

## Предисловие автора к «Основаниям этики»

Отдельные части, вошедшие в состав этого труда, появлялись в печати неправильно. Часть I вышла в 1879 г., часть IV в 1891 г., части II и III, составившие вместе с частью I первый том, — в 1892 г., а части V и VI, из которых с добавлением части IV составилась второй том, впервые появляются в свет только теперь. Причины этого странного, на первый взгляд, порядка издания, первоначально вызванного плохим здоровьем, объяснены мною в предисловиях к отдельным изданиям частей, и тому, кто пожелал бы понять, почему я следовал указанному порядку, нужно прочесть эти предисловия в такой последовательности: сначала предисловие к части I, затем к части IV, к тому I и тому II.

Эти особые предисловия, предназначавшиеся для объяснения неправильности в издании отдельных частей этого труда, сохранены и здесь, ввиду того что они объясняют также некоторые повторения, необходимые, по моему мнению, при издании разрозненных частей, так как моей целью была независимость их друг от друга.

Теперь, когда труд этот появляется в целом виде, я могу уже предпослать несколько общих замечаний, которые были бы неуместны в предисловии к той или другой отдельной части.

Излагаемые здесь в исправленной и обработанной форме нравственная доктрина в своих основных чертах уже была изложена в «Социальной статике», изданной в конце 1850 г. Сходство между двумя этими трудами замечается прежде всего в совпадении вошедших в состав их частей. В «Социальной статике» рассматриваемый предмет — нравственность — подразделяется на отделы в которых трактуется в последовательном порядке о поведении в частной жизни, справедливости, отрицательной благотворительности и положительной благотворительности, и каждый из наших отделов соответствует каждой из частей III, IV, V, VI, вошедших в состав этого труда; но здесь, сообразуясь с общим планом «Системы синтетической философии», я предпослал им еще часть I «Данные этики» и часть II «Индукции этики». В «Социальной статике» разработан только один отдел указанной нравственной системы — справедли-

вость, — и в то время, когда я писал ее, я не предполагал, что мне удастся когда-нибудь разработать и другие отделы. Кроме внешнего подобия в подразделении на части оба труда имеют сходство и по своим основным идеям. Как в том, так и в другом проводится взгляд, что человек, подобно низшим животным, способен к бесконечным изменениям путем приспособления к внешним условиям. Как в том, так и в другом я держусь мнения, что человек переходит от первобытного состояния, приспособленного к дикой жизни, к настоящему своему состоянию, приспособленному к оседлой цивилизованной жизни, через ряд изменений в своей природе. Как в одном, так и в другом я описываю, как эти изменения все более и более выливаются в форму, наиболее приспособленную к гармонической кооперации. Как в одном, так и в другом, наконец, я говорю, что этот процесс совершается путем уничтожения некоторых первобытных, уже ненужных более, особенностей организации и развития других особенностей, необходимых при изменившихся условиях. Как в первом, так и во втором труде важнейшим фактором этого прогрессивного изменения я считаю чувство симпатии. Как тогда, так и теперь я утверждаю, что гармоническая общественная кооперация предполагает ограничение индивидуальной свободы, вытекающее из симпатической заботливости о свободе других, и что закон равной для всех членов общества свободы есть именно тот закон, в подчинении которому состоит справедливое индивидуальное поведение и справедливый общественный порядок. В первом труде я формулировал нравственность, в истинном смысле слова, как закон поведения «справедливого человека» (straight man), и это понятие вполне соответствует изложенному в настоящем труде понятию о нравственности с точки зрения абсолютной этики. Как тогда, так и теперь я развиваю ту же мысль, что умственные продукты симпатии, образующие то, что называется «нравственным чувством», получают у людей тогда, когда они дисциплинируются общественной жизнью, и что вместе с нравственным чувством у них возникают отвлеченные понятия о справедливых человеческих взаимоотношениях, все более и более уясняющиеся по мере того, как улучшается общественная жизнь. Далее, как тогда, так и теперь я делаю отсюда вывод, что путем воздействия общественной жизни совершается примирение индивиду-

альных особенностей в природе людей с общественными требованиями и что таким образом будет окончательно достигнут величайший индивидуализм вместе с величайшей взаимной зависимостью, такое равновесие, при котором каждый, удовлетворяя нужды собственной жизни, будет в то же время самопроизвольно содействовать удовлетворению нужд всех других членов общества. Наконец, как в первом труде, так и в последнем я делаю одинаковые в существенных чертах выводы относительно прав личности и ее отношения к государству.

Мне доставляет, без сомнения, немалое удовольствие тот факт, что эти идеи, не имевшие никакого успеха в 1850 г., получили теперь всеобщее распространение и встретили, особенно со времени издания в 1879 г. «Данных этики», настолько радушный прием, что приняты к сведению в большей части новейших трудов в области этики, а во многих случаях все эти идеи или некоторые из них молчаливо приняты. Во многих трудах высказывается мнение, что эволюционная теория этики давно уже знакома, или же что она ведет начало от 1852 г., когда получила известность доктрина естественного отбора. По этому поводу я могу указать на «Moral Order and Progress» м-ра Александра и еще с большим основанием на «Review of Sysytems of Ethics Founded on Evolution» м-ра Уильямса. В последней книге во вступительных замечаниях и в параграфе, посвященном изложению взглядов Дарвина, Уоллеса и Реккеля, автор утверждает, что «эти великие самобытные авторитеты» проложили путь системе эволюционной этики. Хотя в непосредственно следующими за этими строками изложении моих собственных взглядов признается тот факт, что они были высказаны еще в 1851 г., но место, отведенное этому изложению, и определенные заявления практически уничтожают это непоследовательное признание. И в результате остается впечатление, что мои взгляды явились как бы следствием взглядов Дарвина. И таково действительно общее установившееся убеждение, что ясно показывает часто встречающаяся фраза «дарвинизм в этике», которую я и в данную минуту вижу перед собой в одной рецензии на книгу Уильямса. Старания мои исправить это ошибочной убеждение, были бы конечно, напрасным трудом. Всякая попытка показать людям, что они впадают в ошибку, раздражает их; поэтому, пожалуй, в моих интересах ничего не говорить

по этому поводу. Но мне кажется все-таки нужным, в видах исторической истины, указать, что в этом случае, как и в других, генезис идей не всегда следует порядку логической последовательности, и что доктрина органической эволюции в ее приложении к уму и характеру человека, а следовательно, и к обществу, относится к более раннему времени, чем «Происхождение видов».

Не входя в подробные вступительные объяснения относительно этики, здесь не мешает, быть может, разъяснить в коротких словах один вопрос. В этом труде, равно как и с большей или меньшей последовательностью и во всех новейших трудах в области этики, молчаливо признается та посылка, что поведение, о котором идет речь, есть поведение, сходных по природе и относительно сходных по природе индивидуумов, таких индивидуумов, сходство которых по природе так велико в сравнении с их особенностями, что объединяет их в один род.

Возможность другой посылки и, следовательно, другой этики будет яснее видна из следующей аналогии. Различные виды общественных насекомых, хотя и не образуют общества в собственном смысле этого слова (так как рой таких насекомых представляет одну обширную семью, происходящую от одних и тех же родителей), но тем не менее показывает нам, что может существовать такая кооперация, существенной чертой которой является ясно выраженное неравенство ее членов, и служат наглядным доказательством возможности общественной организации, где нормальные отношения между классами подчиняются специальным, приспособленным к особенностям каждого класса, а не общим для всех классов правилам. Эти насекомые наводят на мысль, что несходные между собой члены одного и того же общества способны к согласованному сотрудничеству на принципах, вполне отвечающих неравенству их по природе, — и заставляют нас обратить внимание на тот факт, что всегда существовали и теперь существуют организованные аналогичным образом человеческие общества, причем аналогия так велика, что классы, сформированные из разнородных, резко отличающихся друг от друга и посвященных различной деятельности индивидуумов достигли уже или стремятся достигнуть совершенно противоположного характера, приспособленного к их относительному положению и обязательным,

по их мнению, правилам взаимного поведения общества, в состав которых входят господствующая и поработанная расы, вполне отвечающие этой характеристике. В Соединенных Штатах во времена рабства рабы имели обыкновение насмехаться над свободными неграми, потому что у них нет белого, который бы о них заботился. Чувства людей до такой степени могут изменяться под влиянием неравных отношений, что в Южной Африке, например, слуги доброго хозяина отзываются о нем с презрением за то, что он их не бьет. Имея перед глазами эти резкие примеры, мы можем предугадывать, что всюду, где существуют господствующие и поработанные классы, как то было в прежние времена повсюду в Европе, люди до такой степени приспособляются к этим условиям, что власть, с одной стороны, и подчинение — с другой, становятся естественными спутниками данного общественного типа. Непрерывное воспитательное воздействие внедрях каждого класса способствует дифференциации людей на две разновидности в такой степени, что одна из них становится органически приспособленной к власти, а другая — к подчинению. И стоит только вспомнить лояльность времен феодализма, проходившую красной нитью через все общественные ступени, или старинную верность гейлендера главе рода, чтобы видеть, что на почве неравных отношений образуются совершенно приспособленные к условиям нравственные понятия.

Но системы этики, приуроченные к социальным системам, характерно чертой которых является такое организованное и установленное законом неравенство, не могут быть совершенными системами этики. Ясно, что они предполагают несовершенную и неудовлетворяющую самое себя организацию людей. С одной сторон здесь требуется внешний контроль для надлежащего регулирования поведения, с другой стороны — такое внешнее воздействие, которое, наоборот, обуславливается неспособностью удовлетворять собственными силами всем своим потребностям. Сверх того, внешний контроль требует больше затраты энергии, чем внутренний. Там, где высшие классы управляют низшими, непроизводительно расходуется труд на управление, чего не было бы, если бы все сами управляли собой. Но главное несовершенство этических систем, приуроченных к основанным на органическом неравенстве обществам,

заключается в том, что симпатия и все те чувства, в которые она входит как составной элемент, и все то счастье, источником которого она служит, остаются неполными. Противоположные натуры не могут симпатизировать друг другу в полной мере, а лишь настолько, насколько и им общи некоторые чувства. Отсюда следует, что несходство людей, обусловленное долговременным господством одних классов и долговременным подчинением других, несовместимо с высшим и полным счастьем, которая составляет цель рациональной этики. Итак, в этом труде, с начала и до конца, мы молчаливо признаем, что существа, о которых идет речь, обладают истинным, характеризующим собой одну и ту же разновидность людей, единством природы, и не будем касаться, иначе как случайно или ради контраста, обществ смешанного характера, подобных тому, какое мы создали в Индии, а тем менее общества, где есть рабы.

*Г. С.*

*Июнь 1892 г.*

# Предисловие автора к I тому

Без надлежащего разъяснения с нашей стороны порядок, в котором отдельные части «Основания этики» были и должны быть изданы, могут вызвать недоразумения, так как ход моей работы и появление ее в печати были не совсем обычны. Как я уже объяснял в первоначальном предисловии к I части (которое воспроизведено на нижеследующих страницах), последняя была написана и напечатана отдельно в 1879 г. под влиянием той мысли, что плохое здоровье окончательно помешает мне заняться этикой, если я буду ждать, пока дойду до нее, следуя предначертанному плану моего труда. С тех пор прошло более десяти лет, отчасти посвященных дальнейшей разработке «Оснований социологии», отчасти проведенных в состоянии полного упадка сил, препятствовавшего какой бы то ни было серьезной работе. Но как только я почувствовал некоторое облегчение, я решил написать самую важную из следующих частей «Оснований этики», а именно IV часть — «Справедливость». Она была напечатана отдельно в июне 1891 г. Как указывалось в предисловии к ней, я предполагал написать затем, если будет возможно, II и III части, чтобы таким образом закончить I том. Это намерение, к счастью теперь осуществилось, и II и III части напечатаны вместе с I частью, как и предполагалось по первоначальной программе.

Указывая на эти неправильности в издании, я имею одну цель — представить оправдания в некоторых повторениях и, быть может, незначительных погрешностях, которые, как я опасаясь, встречаются в этом труде. Старания мои сделать некоторые из отделов понятными по отдельности побудили меня включить в них объяснения, относящиеся к другим отделам, что было бы совершенно излишне, если бы весь труд печатался одновременно.

Теперь мне остается написать и издать отделы, составляющие II том: V часть «Этика социальной жизни. Отрицательная благотворительность» и VI часть «Этика социальной жизни. Положительная благотворительность». Я надеюсь окончить эти отделы, прежде чем лишусь совершенно сил: мне особенно

хотелось бы выполнить это, так как в противном случае изданные уже части произведут почти на всех очень неверное впечатление относительно общего тона эволюционной этики. Излагаемая система нравственности в целом виде совмещает и строгость, и доброту; но до сих пор внимание было обращено почти исключительно на строгость, и в результате получилось в высшей степени ошибочное понимание и ложное толкование моих взглядов.

*Лондон,  
июнь 1892 г.*



# Предисловие автора к первому изданию первой части «Оснований этики» 1879 г.

Достаточно заглянуть в программу «Системы синтетической философии» чтобы увидеть, что издаваемые мною теперь главы составляют первый отдел сочинения — под заглавием «Основания нравственности», которым заканчивается эта система. А так как второй и третий тома «Основания социологии» не появились еще в свете, то появление в печати первого отдела этого заключительного труда может показаться несвоевременным и неуместным. Такое отступление от первоначально принятого мной порядка было вызвано опасением, что настойчивое следование этому порядку, может повести к тому, что этот заключительный труд, завершающий собой задуманный мной ряд исследований, может остаться невыполненным. Многочисленные намеки, повторявшиеся в последние годы все чаще и яснее, показали мне, что я легко могу потерять окончательно если не жизнь, то здоровье, прежде нежели мне удастся достигнуть до последней части поставленной мною себе задачи. А между тем я считаю, что все предыдущие части должны быть рассматриваемы лишь как вспомогательные средства для выполнения этой последней части моей задачи. В моем первом очерке, — появившемся еще в 1842 г. и состоявшем из ряда писем об «Истинной роли государства», — я уже указал в общих чертах, в чем заключаются по моему мнению некоторые из основных принципов хорошего и дурного поведения в политической области; и с тех пор до настоящей минуты моею конечною целью, лежавшей позади всех ближайших моих целей, всегда было стремление: найти научное основание для принципов хорошего и дурного поведения вообще, т.е. во всех сферах деятельности, какова бы она ни была. Понятно, что я не могу смотреть равнодушно на возможность оставить эту задачу невыполненной после того, как я сделал такие обширные приготовления к ее выполнению; а потому я и стараюсь отворотить эту возможность, если не вполне, то хотя бы отчасти. Вот чем объясняется сделанный мною шаг. Хотя этот первый отдел сочинения, завершающего

собою мою «Синтетическую философию», и не может, конечно, содержать в себе специальных выводов и заключений, долженствующих содержаться в целом труде; однако же он уже содержит в себе их все в скрытом состоянии; так что для определенной формулировки этих уже подразумеваемых в нем выводов и заключений не требуется ничего более, кроме простой, логической дедукции.

Есть еще одна причина, почему я так спешу ознакомить публику с этим заключительным трудом хотя бы в общих чертах, если мне не суждено завершить его вполне; причина эта заключается в том, что установление правил хорошего и дурного поведения на научном основании представляет настоятельную потребность данной минуты. В настоящее время, когда нравственные заповеди теряют мало-помалу свой авторитет, почерпавшийся ими в их предполагаемом священном происхождении, секуляризация нравственности, т.е. установление ее на светских основаниях, становится положительной необходимостью. Очень немногие события в состоянии повлечь за собою такие губительные последствия, как упадок и смерть регулятивной системы, переставшей соответствовать новым обстоятельствам, прежде чем вырастет и станет на ее место другая регулятивная система, лучше приспособленная к изменившимся условиям. Большинство из тех, которые отвергают ходячие верования, допускают, по-видимому, что контролирующая власть, представляемая этими верованиями, может быть отброшена в сторону, без всяких опасений, и что открывшаяся таким образом вакансия может оставаться незамещенной никакой другой контролирующей властью. В то же самое время люди, защищающие ходячие верования, утверждают, что при отсутствии доставляемого этими верованиями руководства не может существовать никакого другого руководства; так что, по их мнению, единственными руководителями нашего поведения могут служить одни только божеские заповеди. Таким образом эти крайние оппоненты имеют некоторую общую точку соприкосновения. Один из них утверждает, что пробел, оставленный исчезновением кодекса сверхъестественной этики, не нуждается в заполнении его кодексом естественной этики, а другой говорит, что этот пробел и не может быть заполнен подобным образом. Так что оба они видят перед собою пустое пространство,

которого один из них желает, а другой страшится. А так как совершающаяся в обществе перемена, обещающая или угрожающая привести к этому состоянию, кажущемуся для одних желательным, а для других — ужасным, быстро подвигается вперед, то все те, которые убеждены в том, что этот пробел может и должен быть заполнен, должны считать себя обязанными сделать хоть что-нибудь для осуществления этого убеждения.

К этому более специальному соображению я могу прибавить еще одно соображение более общего характера. Столкновения нравственных правил причинили много зла, представляя их в большинстве случаев лишь с их отталкивающей стороны; а потому нельзя не ожидать наперед больших благ от представляется нравственных правил с привлекательной стороны, которая обнаруживается во всех тех случаях, когда их не искажают суеверие и аскетизм. Коль скоро какой-нибудь отец, сурово принуждающий своих детей к исполнению своих многочисленных приказаний то действительно нужных, то вовсе ненужных, присоединяет к своему строгому контролю над их поведением еще и совершенно несочувственное обращение с ними — коль скоро эти дети вынуждены пользоваться удовольствиями только украдкой, или коль скоро они, робко поглядывая на него во время своих игр, встречают с его стороны только холодный взгляд, а еще чаще нахмуренный брови; то власть и управление такого отца будут неизбежно возбуждать в детях только неудовольствие, если не ненависть; так что они будут постоянно стремиться уклониться от них, насколько это окажется возможным. И наоборот, отец, который, поддерживая с не меньшей твердостью все ограничения, необходимые для блага его детей, а также для блага других лиц, не только избегает ненужных ограничений, но еще дает свою собственную санкцию всем законным удовольствиям своих детей и, доставляя сам нужные для этого средства, глядит с одобрительною улыбкою на их забавы, не может не приобрести на своих детей сильного влияния, которое, оказываясь не менее действительным, чем в предыдущем случае, для данного времени, сохраняет эту действительность и на будущее время, т.е. оказывается прочным и продолжительным. Контролирующая власть этих двух различных отцов может служить символическим изображением контролирующей власти нравственности, какова она есть, и нравственности, какую она должна бы быть.

Но зло происходит тут не от одной только излишней строгости этического учения, завещанной нам суровым прошедшим. Тут есть еще и другое зло, проистекающее из практической невыполнимости его идеала. В своей насильственной реакции против полнейшего себялюбия жизни, царствующего в варварских обществах, это учение настаивало на жизни, совершенно чуждой всякого себялюбия. Но как всемогущий эгоизм прежней грубой военщины не мог быть переделан многочисленными попытками безусловного подавления человеческого я в монастырях и религиозных обителях, так точно и дурное поведение нынешних обыкновенных людей не может быть исправлено установлением такого идеала самоотвержения, который выходит за пределы выполнимости для обыкновенного человека. Установление такого идеала скорее же поведет людей к отчаянию и к оставлению всякой попытки на более высокую жизнь. Стремление достигнуть невозможного не только оканчивается постоянно этим способом, но в то же время еще и подрывает в людях доверие к возможному. Ибо вследствие своей связи с неисполнимыми правилами даже исполнимые правила теряют в их глазах свой авторитет.

Я несколько не сомневаюсь в том, что теория правильного поведения, изложенная в общих чертах на этих страницах, подаст повод ко множеству враждебных суждений и толков. Критики известного класса, вместо того чтобы радоваться, что этические принципы, выведенные научным путем, совпадают с этическими принципами, выводимыми ими иным образом, сочтут себя оскорбленными этим совпадением. Вместо того, чтобы признать наличность существенная сходства, они станут распространять касательно поверхностных различий. Дело в том, что с окончания периода религиозных преследований в поведении так называемой ортодоксии по отношению к так называемому еретичеству (гетеродоксии) произошла очень любопытная перемена. Было время, когда еретик, принужденный пыткой к отречению от своих мнений, вполне удовлетворял властей этим внешним обнаружением согласия с господствующею верою; так что такое кажущееся чисто внешнее соглашение оказывалось вполне достаточным, как бы ни было глубоко и сильно действительное, реальное разногласие, продолжавшее существовать между бывшим еретиком и господствующею верой. Но теперь, когда уже нельзя более принудить еретика силой к исповеданию общепринятого верования,

защитники этого верования стараются выставить его верование настолько противоположным общепринятому, насколько только это окажется возможным. Расходится он в чем-нибудь с установленной теологической догматикой? В таком случае это должен быть атеист, хотя бы сам он и считал этот термин совершенно неприменимым к его собственным убеждениям. Считает он спиритуальные объяснения явлений несостоятельными? В таком случае его следует причислить к материалистам, хотя бы он с негодованием отказывался от этого имени. Подобным же образом, каковы бы ни были различия между естественной нравственностью и сверхъестественной нравственностью, приверженцы этой последней считают наилучшей политикой преувеличивать эти различия как можно сильнее и превращать их в основной антагонизм. Следуя этой политике, они по всей вероятности выберут из этого тома для своих осуждений такие учения, которые, оторванные от связи с прочими и взятые отдельно, сами по себе легко могут быть представлены так, что покажутся крайне дурными. Стремясь к ясности изложения, я рассматривал отдельно многие соотнесенные стороны поведения, выводя при этом частные заключения, из которых каждое становится неверным, будучи оторвано от прочих; а потому я дал обильный материал для неправильного истолкования моих действительных взглядов.

Отношения этого труда к другим, предшествующим ему в этом ряду, таковы, что требуют частых ссылок на них. Так как это сочинение представляет последний результат принципов, изложенных в каждом из предшествовавших ему сочинений, то я нашел неудобным уклоняться от повторения изложения снова этих принципов. Кроме того, изложение этих принципов в их отношениях к различным этическим теориям делало необходимым в каждом случае напомнить вкратце читателю не только то, в чем заключаются эти принципы, но также и то, каким образом они были выведены. Вот чем объясняется присутствие в этом томе многих повторений, которые для некоторых покажутся, вероятно, очень скучными. Впрочем, я не особенно сильно сожалею об этом почти неизбежном результате, потому что только путем многочисленных и разнообразных повторений могут быть внедрены в сопротивляющиеся умы чуждые им дотоле понятия.

## Предисловие автора ко II тому «Оснований этики»

Теперь, когда с выходом V и VI части (часть IV появилась еще раньше) мне удалось завершить второй том «Оснований этики», — в чем я уже несколько лет отчаивался, — чувство удовлетворения нарушается у меня при мысли, что эти новые части менее определены в своих заключениях, чем я надеялся. Совершенной определенности, конечно, нельзя было и ожидать. Истинные правила для поступков существа столь сложного, как человек, живущего в таких сложных условиях, каковы общественные, очевидно составляют предмет, не допускающий специальных положений общеобязательного характера.

Основной отдел — сфера частного поведения, необходимо зависящего, в известной мере, от природы индивида и обстоятельств, в которых он находится, — может быть нормирован лишь приблизительно; и в большинстве случаев руководство должно ограничиться судейским взвешиванием требований и избеганием крайностей. Переходя к первому большому отделу поведения общественного — к «Справедливости», мы действительно вступаем в область заключений, в значительной степени определенных. К счастью, в этом, наиболее важном, отделе этики, трактующем об известных правильных отношениях между индивидами, безотносительно к их характеру и обстановке, фигурирует руководящая идея справедливости или равенства (equalness) — туда вводится идея меры, и полученные выводы приобретают некоторый количественный характер, вследствие чего отчасти уподобляются выводам точных наук. Но когда, оставив этот наиважнейший отдел, предписания которого непреложны и не считаются с личными моментами, мы обращаемся к остающимся отделам — благотворительности отрицательной и положительной, — мы оказываемся в области, где сложность личного поведения усугубляется многообразными отношениями к не менее сложному поведению окружающих. Для разрешения проблем, которые здесь возникают, природа меры не дает нам никакого руководства, и нам приходится обыкновенно следовать эмпирическим суждениям.

Ввиду этих признаний, быть может, станут утверждать, что здесь нам нисколько не помогает общее учение о развитии. На это я возражу прежде всего, что в новом отделе этики, трактуемом о справедливости, эволюционное учение способствует как проверке эмпирических заключений, так и установлению некоторых, еще не признанных, важных выводов. Если скажут, что на протяжении заключительных отделов этики, обсуждающих благотворительность, отрицательную и положительную, заключения должны быть, как указано, преимущественно эмпирическими, и что поэтому здесь во всяком случае учение об эволюции нам не поможет, — то следует возразить, что оно помогает нам если не в специальных вопросах, то в общих. Прежде всего, учение это доставляет нам естественную санкцию некоторым видам поведения, которые в настоящее время предполагаются лишенными всякой санкции, если у них нет санкции сверхъестественной, — оно показывает нам, что эти виды поведения охватываются границами развивающейся человечности, способствуют высшей жизни и, вследствие этого, обязательны. Во-вторых, предоставляя нам составлять эмпирические суждения, эволюционное учение дает те общие истины, которыми следует руководствоваться в этих эмпирических суждениях — намечает пределы, в которых они должны вращаться.

Части V и VI подкрепляют правила благотворительности, прибавляя к эмпирической санкции санкцию рациональную; но сверх этой службы содержание этих частей имеет следующие права на внимание: во-первых, в каждой главе изложены с точностью разнообразные требования и ограничения, с которыми следует считаться, что помогает образованию уравновешенных суждений. Во-вторых, такое методическое рассмотрение сообщает известную связность спутанным и часто противоречивым идеям о предмете благотворительности, какие ныне циркулируют. В-третьих, наконец, получающаяся в результате связанная научная дисциплина содержит в себе регулирование некоторых родов поведения, на которое в обыкновенных этиках не обращается внимание.

## Предисловие автора к IV части ПЕРВОМУ (ОТДЕЛЬНОМУ) ИЗДАНИЮ

В предисловии к «Данным этики», изданным в июне 1879 г., встречаются следующие слова: «Признаки, повторявшиеся в последние годы все чаще и явственнее, убедили меня, что состояние моего здоровья может постоянно ухудшаться, даже если жизнь не придет к концу, — раньше, нежели я достигну последней части намеченной мною для себя задачи». Затем следовало утверждение, что «эта последняя часть моей задачи», а именно вывод этики из учения о развитии, «представляет то, к чему все предшествующее я считаю лишь вспомогательным средством», и что поэтому для меня нежелательно предвидеть возможность невыполнение этого дела. Отсюда явилась решимость заранее написать «Данные этики».

Нечто подобное предвиденной катастрофе постепенно наступило. Годы расстроенного здоровья и ослабшей способности к труду привели (в 1886 г.) к полному упадку сил, и дальнейшая разработка «Синтетической философии» была задержана до начала 1890 г., когда снова стало возможным предаться хотя немного ежедневному серьезному труду. Конечно, возник вопрос, какой труд предпринять сначала? Без колебания было решено закончить «Основания этики», так как руководящие отделы «Оснований социологии» были уже выполнены. Затем представился дальнейший вопрос: какую часть «Оснований этики» написать сначала? Руководствуясь мнением, что остаток моих сил, вероятно, не позволит мне закончить всего, я признал за наилучшее начать с важнейшего. Поэтому, минуя части II («Индукции этики») и III («Этика индивидуальной жизни»), я посвятил себя IV части — «Этика социальной жизни. Справедливость» и теперь, к моему величайшему удовольствию, успел довести этот труд до конца.

Если улучшенное состояние здоровья продлится, я надеюсь до конца будущего года выпустить части II и III — в восполнение I тома; затем, если буду в силах, займусь V частью: «Этика общественной жизни. Отрицательная благотворительность» и VI частью: «Этика общественной жизни. Положительная благотворительность».



Между этой (III) частью «Оснований этики» и первым моим трудом, «Социальной статикой», конструктивная часть которой занимается той же темой, существуют значительные различия. Во-первых, здесь нет тех сверхъестественных толкований, какие были в первой моей книге: здесь изучение исключительно естественное, т.е. эволюционное. Этому различию сопутствует другое: в «Социальной статике» биологическая основа этики была лишь намечена, здесь же она окончательно установлена; и главной задачей сделалось развитие отсюда заключения. Дальнейшее отличие в том, что индукция чаще привлекается на помощь дедукции. В каждом случае показано, какие следствия из первоначально установленного принципа оправдывались дальнейшим прогрессом человечества.

Не лишнее прибавить, что первые пять глав уже были напечатаны в «The Nineteenth Century», март и апрель 1890 г.

С.

*Лондон,*

*июль 1891 г.*



ЧАСТЬ I

---

---

# **СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

---

---

Конец ознакомительного фрагмента.  
Приобрести книгу можно  
в интернет-магазине  
«Электронный универс»  
[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)